

Моя вина в том, что я не проволочный.
К. Федин. “Города и годы” (1924)

Основные празднования 125-летия со дня рождения одного из крупнейших русских прозаиков XX века Константина Александровича Федина пройдут не в Москве, а на родине писателя – в Саратове. И это правильно. Когда в конце XX века “счастливая Москва” лихо сбрасывала с “корабля современности” наших главных реалистов-романистов XX века М. Шолохова, Ал. Толстого, К. Федина, Л. Леонова, верная дочь писателя Нина Константиновна Федина и её дети безвозмездно передавали в Саратов богатейшее наследие: литературный архив Федина, собранную им живопись начала века, рисунки самого Федина, автографы русских писателей XIX и начала XX веков, книги с дарственными надписями, мебель из переделкинского кабинета и другие ценнейшие раритеты. В научную библиотеку Саратовского университета была подарена библиотека Федина. Эти события представляют не только часть биографии писателя, но и неотделимую и неотчуждаемую от истории нашей страны страницу бытования русской литературы XX века в постсоветский период...

Чудесные, милые филологини из Саратовского музея К. А. Федина, созданного ещё при советской власти, в огромных сумках, коими пользовались в те годы “челноки”, перевозили в 90-е годы из Москвы в Саратов бесценные архивные материалы... Это тоже наша история, и без неё не понять, как в Саратове появилась единственная в нашей стране уникальная музейная экспозиция “Дом русской литературы XX века”. Основой экспозиции стало переданное семьёй Федина... В столице продолжали мусолить тему поведения “литературного функционера” – руководителя Московской писательской организации, затем Союза писателей СССР – в истории с присуждением Б. Пастернаку Нобелевской премии и изданием А. Солженицына, а в Саратове ежегодно стали проходить “Фединские чтения”, собиравшие исследователей на серьёзный разговор о творчестве и наследии Федина.

...Открытие его нам ещё предстоит. Для честного историка литературы очевидно, что именно романы Федина об интеллигенции и революции (“Города и годы”, 1924; “Братья”, 1928) стоят у истоков осмысления данной темы в русской литературе советского и постсоветского периодов...

По масштабу выявленных идеологических пороков пастернаковский Живаго явно уступал обвинениям, предъявленным в 1920-е герою романа “Города и годы” Андрею Старцову, во многом также автобиографическому герою романа Федина.

Подчеркнём, что в двадцатые годы мимо романа “Города и годы” не прошёл ни один из ведущих критиков, о нём говорили и писали в русском зарубежье, роман читался и страстно обсуждался собратями-писателями... Это первый русский роман на жгуче актуальную для времени, живую и в некотором смысле сокровенную для каждого писателя, вне зависимости от его политической ориентации: попутчики, пролетарские, внутренние и внешние эмигранты, сменовеховцы и т. п. – тему самоопределения молодого русского интеллигента нового века в революционной современности. К роману возвращаются и в тридцатые годы, возвращаются, хотя уже написаны “Братья”, и бесприютному Старцову, кажется, найден выход. Композитор Никита Карев – художник, хотя и он заканчивает свою жизнь, как и Андрей Старцов, на “пустыре”, фактически в пустыне полного, почти экзистенциального одиночества. В возвращении на родину его спасение как художника, а в традиции сокровенной связи с русской жизнью, “одушевлении” реальности открываются для Карева не разрывы, а связь современной и исторической России:

“Он не ошибся: источник, питавший его воображение, неиссякаемо бил на родине, там, где он впервые увидел мир, где возникали и забывались первые противоречия любви и жестокости. И он мучительно хотел вознаградить эти камни, деревья, дома, весь этот убогий и милый клочок земли, вознаградить созданием, достойным их расточительности. Он надеялся бессловесный, жалкий степной оазис волей и великодушием, он чувствовал себя должником яблоневых садов, тихого, стоячего Чагана, сгнившего крыльца у избы Евграфы, путаных зарослей луки.

Он думал о родном, о повелевающей силе родного, о том, что созданное человеком создано преемством, и, если сын имеет уши, он должен слышать голос камня, положенного отцом, – и счастлив тот, кто его слышит” (“Братья”).

Выход “Братьев” – одно из главных литературных событий 1928 года. Природе этого события посвящено восторженное письмо Бориса Пастернака Федину (от 9 августа 1928 года):

“...читал и переживал я восхитительных “Братьев”, – непомерный по полноте подведения и полноте погашенья расчёт по целому ряду серьёзнейших наших долгов, и громадный вклад в нашу тематическую культуру; глотали “Братьев” кругом, в моём экземпляре и других, благоприобретённых и библиотечных; разволновывались и мирились, благодаря Вам, со всем тем, что им должно казаться чепухой, старики, бывшие помещики и генералы (Вы улыбаетесь, думая, что эта фраза из печатного воззвания, но нет! Это живая обстановка айвового и орехового сада, наши соседи и хозяева); “допускали” женственно лирического интеллигента, интеллигента вообще обычно не приемлющие его красные девицы, племянницы и дочери вышеназванных; захлебывался, в лице всех временных обитателей и обительниц (и если бы Вы видели одну из них!) весь олеандровый участок; главное же впереди, и вот оно: каждое сотое слово этого молчаливого, подвижного и полного незнакомых встреч и разминок, частью – путевого лета были “Братья”.

Разговоры эти подхватывались и поддерживались, когда говорившие нравились, и только невольно подслушивались, когда они не располагали к сближенью: на вокзале в Новороссийске, на палубе “Кречета” на переходе от Сочи, ещё где-то раз, не помню где, может быть, на Голодном шоссе близ Туапсе. И все они были радостны и лестны для Вас. Так вот: что я могу ещё сказать?”

Публикация романа в 1928 году читалась критикой как дерзкий вызов, ибо герой романа Никита Карев просто демонстрировал всей своей жизнью и творчеством ту самую “правую опасность”, борьба с которой составила пафос и направление главной государственно-партийной кампании этого года.

Эти романы Федина нам не обойти как в истории с “Доктором Живаго” Б. Пастернака, так и в истории отношений Федина к феномену А. Солженицына.

Мемуарно-биографическая книга Федина “Горький среди нас” (1944), посвящённая литературному Петрограду 1920-х годов, и сегодня, когда мы значительно больше знаем о той эпохе, остаётся одной из лучших книг этой серии.

Федин был блистательным рассказчиком, а его “Анна Тимофевна” (1923), пронзительная притча о страдающей русской женщине, потрясла в своё время

самых взыскательных современников писателя. И, заметим, столь же властно потрясает читателя и сегодня.

Федин оставил большое эпистолярное наследие, и мы только начали его осваивать: в 2016 году вышла 1-я книга “Константин Федин и его современники. Из литературного наследия XX века”...

Ждут своего издания потрясающие дневники Федина 1928–1960 годов, которые в советское время печатались с большими купюрами, можно сказать, вообще не печатались.

Особая тема – международные литературные связи Федина. Это тоже целый материк забытых страниц истории нашей литературы.

И, конечно, Федин – писатель с биографией... 1910-е годы. На учёбе в Германии, где его застаёт Первая мировая война. Плен. Возвращение из германского плена в революционную Россию 1918 года – “с толпой хромых, безруких, чахоточных и умирающих, которые звались солдатами Российской армии” (Автобиография 1921 года). Гражданская война. Сызрань. Вступление в партию. Работа в местных “Известиях”, издание журнала “Отклики”. Петроград, 1920 год. Публикации в “Петроградской правде”. Кронштадтский мятеж 1921 года и его подавление. 1921 год – выход из партии. Группа “Серапионовы братья”. Петроградский отдел Всероссийского Союза писателей, заместитель председателя ВСП Ф. Сологуба. Создание “Издательства писателей в Ленинграде”...

Это лишь некоторые вехи внешней биографии Федина 1920-х годов. На сложнейшем переплетении внешней и внутренней биографий писателя рождались его романы об интеллигенции 1920-х годов.

В нашей публикации представлены некоторые материалы из творческой истории первого романа Федина “Города и годы”, интересные, на наш взгляд, самому широкому кругу читателей: хранящиеся в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Ф. 172. Ед. хр. 1166) прозаические зарисовки (написаны в Германии) и рабочие записки к роману 1922 года, а также опубликованное в журнале “Отклики” (Сызрань) эссе “И на земле мир...” (1919)*, посвящённое Версальскому договору 1918 года, которым определялось окончание Первой мировой войны.

“Упавшее небо” – одно из заглавий романа. Их было несколько. В мае 1922 года, когда началась работа над романом: “Зачатье”, “Семь лет”, “Проволочный человек”. Потом будут появляться другие: “Ещё ничего не кончилось”, “Бурелом”, “Побеждённые”, “Города”, “Колода лет” и др. В 1923-м приходит окончательное название: “Города и годы”.

Рабочие записки к роману насыщены интеллектуальной атмосферой Петрограда 1922 года, философскими вопросами культуры, наполнены бытийной трагедией России, “достоевскими” темами и героями, той метафизикой русской истории, вокруг которой разворачивались идейная схватка и шли политические баталии в первый год нэпа. Вопрос нового человека из сферы интеллектуально-дискуссионной и литературной (теории “производственничества” Пролеткульта, “жизнестроения” футуристов, “Восстания культуры” А. Гастева, “Заката Европы” О. Шпенглера и др.) перешёл тогда в самую наипрактичную и современную. Власть не скрывала откровенно атеистического характера новой идеологии, презрения к исторической и литературной традиции России, утилитарного отношения к вопросам культуры: “1) переделка самой психологии человека; 2) соединение марксистской теории с американской практичностью и “делячеством”; 3) уничтожение гуманитарного направления в образовании и замена его техническими практическими знаниями; 4) замена универсализма специализацией; 5) физическая, волевая и умственная тренировка человека”**. Это не краткое изложение проекта Великого Инквизитора (“Братья Карамазовы”) или труда Шигалёва (“Бесы”), а тезисы доклада одного из вождей и теоретиков нового государства, опубликованные в начале 1922 года на страницах газеты “Правда”. Упоминание “шигалёвщины” в фединских записях о новом человеке вполне вписывается в философский

* Благодарим сотрудников Государственного музея К. А. Федина (Саратов) за предоставление журнала “Отклики” с публикацией Федина 1919 года.

** Бухарин Н. Проблема культуры в эпоху рабочей революции // Правда. 1922. 11 октября. С. 3.

контекст первого романа. К “общественной формуле” исторического прогресса Шигалёва – “Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом”* – в эти годы не раз обращались русские философы в своих размышлениях о “духах” русской революции, “крушении гуманизма”, “бесноватости русских революционеров” и антихристианских основах “социалистического муравейника”: “Все русские революционеры-максималисты смотрят так, как смотрел Шигалёв, все ждут разрушения старого мира послезавтра утром. И тот новый мир, который возникнет на развалинах старого мира, есть мир шигалёвщины”**.

Упомянутая в записях к роману статья с евангельским заглавием “И на земле мир...” (1919) также указывает на глубинные связи философских исканий молодого Федина с русской религиозной мыслью XX века. Философско-публицистические статьи Федина 1919 года с их “сомнительной философией” (по характеристике Горького) и “остатками ошибочных идеалистических концепций” (по характеристике советских исследователей творчества Федина), отзываются в большом своде “проклятых” вечных вопросов жизни и культуры, вопросов Достоевского и Толстого, которыми мучится и от которых так и не сможет отказаться герой романа (“рохля” Старцов) и сам автор. “Победа достигнута, но благоденствия не наступило не только у немцев, но и у англичан, французов и прочих “победителей. <...> Все страны оказались инвалидами, нуждающимися в лечении. Победителей нет” (статья “Версаль – этап мировой революции”, 1919); “... мировая война вскрыла вены, и кровь хлещет из них, как из рукава” (статья “И на земле мир...”, 1919). Это из публицистики Федина 1919 года, в которой язык официальной идеологии (“мировая революция”) во многом поглощается и преодолевается языком русской литературы, а мировая революция мыслится не как перманентная гражданская война во всём мире, а как всеобщий мир после кровавой бойни. Этими мечтаниями о мире живут в германском плену мужик Лепендин и интеллигент Старцов, своеобразные литературные двойники толстовской пары в романе “Война и мир” (Пьер Безухов и Платон Каратаев в плену у французов). Толстовскими и достоевскими вопросами войны и мира болеет сам автор романа, о чём и говорят его записи и пометы на полях страниц рукописи романа. Мы приведём лишь некоторые из этих авторских комментариев разной направленности.

Две страницы с записями под эмблематическим названием:

“Основное

Нужно, необходимо что-то сделать, чтобы не было страданий.

Война ужасна.

Война – позор, крах, зло [цивилизации], проклятие!

Пока война – нет ничего, не о чем спорить, нечего добиваться.

Революция – борьба со злом, позором.

Революция – протест против страдания!

Вот почему –

Ещё ничего не кончилось.

Старцову, поэтому, нужно видеть страдания, чтобы загораться ненавистью и идти в революцию. Но в революции самой – страдание, и это отталкивает Старцова, и он нигде не может жить органически, войти в жизнь, свариться с нею, как сваривается гвоздь или болт с обломками железных рельсов.

Так он и бежит!

В наше время надо уметь погибать – больше ничего”.

* Достоевский Ф. Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 10. Л., 1974. С. 311.

** Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции [1918] // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С. 89.

Вновь и вновь Федин возвращался к “основной” теме романа — войны и мира в новом веке. В папке сохранилось огромное количество записей с вечными вопросами к этой вечной теме человеческой истории:

“К гл. I о 1914.

В Германии — почему все обрадовались войне? Не потому ли, что она разбила невыносимые условия обычной жизни, быта и вдохнула в каждую душу, замурованную в стену цивилизованного рабства, надежду на... что? Надежду на что-то!”;

“Он вечно разгадывает, как могло случиться, что человечество ввергло себя в войну. И его не успокаивает никакая разгадка.

Вся революция покрывается войной.

Война — это главное событие, она — всё.

Человек, который был потрясён (поражён) войною, раз и навсегда выбывает из строя обычных людей. Его воображение поражено язвой. Она неизлечима. Такой человек вечно думает о войне. Он пропитан ею, как море пропитано солью. Отнимите от него эту его вечную думу о войне — его существование потеряет смысл”;

“1919

С тех пор, как на яблоне повесили человека, она перестала цвести”.

Некоторые из записей Федина приоткрывают лабораторию рождения его математически точных и блистательных формул. К примеру, эта запись “Газеты — насекомые = распространители эпидемий”, представляющая формулу любой агитпропаганды, появляется на полях большого “документа” из эпохи гражданской войны, со всеми характерными для него темами, интонациями и клише:

“Из резолюции, помещен. в “Изв. Семид. Совета” после разгрома белых:

“Приветствуя полное поражение и разгром белогвардейцев, которые предательски из-за угла занесли руку на наш уезд и подняли кулаков-пайков Сانشинской волости в лице товарищей, которые приняли участие в разгроме названных зелёных банд. Мы клеймим позором и пролетарским проклятием всех, кто осмелится помешать мирному восстановлению труда, которому мешает из злобы и ненависти буржуазия. Но мы не боимся её угроз. Победа недалеко и за нами.

Общими усилиями мы прорубим второе окно — в Европу и Америку, как хотел сделать Петр I, но у него это было с враждебной целью пролетариату. Красный Семидол рука об руку с мировой революцией протянет руку народам Востока, Запада и Северной и Южной Америки, чтобы раз <i>навсегда</i> сказать обнаглевшей буржуазии: руки прочь! Мы не позволим устраивать заговоров против власти мозолистого рабочего и бедняков-крестьян! Да здравствует Красный Семидол! [Да здравствует мировая революция!] Да здравствует полная победа пролетариата”.

Этот микросюжет, в котором безусловно нашла отражение собственная журналистская работа в 1919 году в сызранских “Известиях”, будет преобразован; в окончательном тексте от него останется только упоминание о “воззвании семидольской ревтройки” и замеченной Голосовым в гранках опечатке в последней фразе воззвания: “Да здравствует победа рабочих и крестьян во всем пире”. Приведённая формула выражает отношение автора не только к данному воззванию (известно, чем занимались ревтройки), но и к другим текстам подобного типа, в частности, к тексту воззвания “друга мордовского народа” Шенау.

Записи для себя на листке из школьной тетради в клетку посвящены анализу “каратаевского” и “карамазовского” начал в Старцове.

“Старцов

А с моим маленьким добрым, куда я?

<...> Повесят белые безногого, а это вдохновит Старцова, будет за “правду” биться. А без “науки белых” (ужасы и несправедливость) Старцовы биться не умели. Бились только продкомиссары, Голосовы да Лейтсины (последние научены были ещё прежде)”.

Несмотря на то, что Евангелие в записях пишется Фединим по новой орфографии, евангельские темы истины, идеала, оправдания добра, любви, страдания, преступления, наказания и покаяния остаются главными для самого Федина и героя его романа. Характерная “запись для себя” на крохотном фрагменте листа: “1920 = А я не могу до сих пор пройти мимо нищего, чтоб

не подать ему...” – войдёт в самохарактеристику Старцова в его знаменитом диалоге с Куртом о ненависти и любви:

– Ужасно. Этот призрак заслоняет собою всё. Голод! Чтобы переступить через него, нужно быть очень смелым. И что за ним?

– Эх ты, революционер! Стыдно, Андрей.

– Я – революционер? Мне до сих пор совестно пройти мимо калеки, не подав ему милостыни”.

На альбомной странице с записями “К похоронам профессора для последней главы” после зарисовки бытовой картинки из жизни Петрограда 1920 года записаны слова из покаянного псалма царя Давида (Пс 50 : 19):

“«Песня о могильщиках».

Отводились участки кладбища – кресты – на продажу на топливо.

Жертва Богу – дух сокрушен, сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит (Из Псалмов Давыдовых)”.

Замысел романа об интеллигенции возникает у молодого Федина в знаменитом 1922 году, когда из России в Европу отчалил “философский пароход” с авторами “Вех” (1909) и “Из глубины” (1918), русскими интеллигентами, давшими самый жёсткий анализ “вклада” русской интеллигенции, с её идеалами европейского гуманизма, в “совершившееся крушение” России. Русские философы предложили перевести разговор о миссии интеллигенции на новый уровень содержания жизни и сделать предметом рефлексии и анализа её *собственную* мысль о человеке, русской и мировой истории и культуре. И, похоже, именно эта позиция беспощадного *самоанализа* оказалась наиболее близка Федину.

КОНСТАНТИН ФЕДИН

КТО ВИНОВАТ?

Двое гибко-мускулистых, литых из чугуна, обтянутых стальной кожей тел озлобленно наносят друг другу удары... .

Чем свирелее нападает одно, тем ожесточённее отбивается другое, чем лукавее и неожиданнее задумываются выпады, тем гениальнее оказываются отражения... .

Наконец, один из бойцов изловчается и разит противника решительным ударом в висок.

– За что ты нанёс ему этот удар?

– Если бы я этого не сделал, то этот удар получил бы я!

– А ты за что его хотел ударить?

– Чтоб он не ударил меня... .

– Но почему у вас обоих на руках эти страшные рукавицы??

– Почему? Да потому что мы – профессиональные боксёры!!!

Мировая война???. . . . .

Ноябрь, 1916

НАСТРОЕНИЕ

Там, в Бессарабии, в Восточной Галиции ряд за рядом бегут серые герои в атаку. Падают или навеки, или подымаются и бегут снова со штыками наперевес, с безумными, бессмысленными лицами, бегут за победой, за славой, за смертью. Их встречает ураган металлических шариков и осмётков, а они бегут за победой. Об этом можно говорить, это можно обрисовать с силою, которая изувечит душу, но охватить это умом или представить себе невозможно, как нельзя представить, что будет через миллионы лет. Но это терзает, гнетёт. И всё думается, что прибегут к победе или расплытятся в вихре смертоносных гранат эти серые, безумные герои. И ещё. Что-то дикое творится на Руси. Отупение, гнёт и неправда небывалые, ужас страшный, точно смерть за воротами. Бедная страдалница! Есть ли выход у тебя, непонятная? Мозг леденеет от дум.

И вдруг... .

– Хотите послушать музыку? – Мой сосед по комнате, вольноопределяющийся местного полка, инженер по профессии, с обворожительно улыбкой входит в комнату. – Что вы тоскуете! Пойдём ко мне; мой приятель – редкий игрок на цитре.

Цитры я не люблю – уж очень плаксивый инструмент, и силы в нём нет, мощи... Соседа тоже не люблю – уж очень немец, мысли нет и фантазии, при разговоре пересказывает своими словами передовицы из гаденькой газетки. Но соглашаюсь.

– Позвольте представить – унтер-офицер такой-то.

– Очень приятно...

Вольноопределяющийся варит на спиртовке чай и извиняется, что у него всё слишком по-холостяцкому. За столом сидит чернявая немочка, видно, глупая, глупая – всё хихикает.

Цитра на столе чистенькая, гладенькая. У игрока лицо, точно у вяземского мужика, – корявое, усы в разные стороны, морщинки смешные, точно нитки из распущенного чулка, глаза хитро-добрые, светлые. И мне уже не жалко, что пошёл: такой хороший мужичонка, хоть и немецкий унтер-офицер. Пальцы у него ровные, длинные и белые, всё он улыбается, струны перебирает с любовью и ни словом, ни одним нехорошим словом не обмолвился, только предупредил:

– Очень давно не упражнялся. Немного трудно играть.

Сосед разливает чай сквозь ситечко, немочка хихикает до удивления глупо, а струны воркуют, серебрятся и звенят целомудренно. Цитра не хнычет и не жалуется, а рыдает, разрывается, словно всю печаль мировую на полноправных своих боках выдерживает. И лицо у игрока – немецкого солдата – похоже на мужицкое, умное и много горя перенесшее. И всё точно где-то в России, в келье что ли какой или в просфорне, чем-то даже пахнет таким церковным. Он играл какую-то шотландскую песню – странную песню, тоже напоминавшую русскую. То зарыдает, задумается, то успокоится, прояснится, загорится и разразится хохотом с присвистом, а потом опять упадёт и затуманится. Немочка, глядя, как танцуют по грифу белые пальцы, открыла рот, а вольноопределяющийся шепчет мне, чтобы не помешать музыканту:

– Сегодня ваших земляков видел...

– Военнопленных?

– Да. Врача и вольноопределяющегося.

– Ну?

– Ничего... Хорошо по-немецки говорят.

– Сыграйте ещё что-нибудь! – прошу я.

Вяземский мужичонка собирает лоб в гармонику и брякает тоскливо. Рокочут о чём-то милом бойкие струны. Ползёт вверх пар из чашки, окурочек дымит в пепельнице. Уютно и просто.

– У русских замечательно красивые песни, – шепчет мне сосед.

– Да...

Мучится неразрешимый минорный аккорд. У немца лицо усталое и больное. Выискивает, как бы передать загадку песни. И уже как будто разгадывает, улыбаться начинает, губы толстые свои приоткрыл.

– Вам, поди, скучно, – слышу я, – что вы целый день делаете?

– Читаю, пишу... – мямлю я.

– Это должно быть ужасно! – сожалеет он.

“Что же ужасного,” – думаю я. Разве это ужас? Ужасно другое. Ужасно и... слова не хватает... Немец-солдат играет мне – русскому, может быть, больше русскому, чем он сам немец, на цитре, и улыбается мне добро и ласково. Другой германский солдат наливает мне сквозь ситечко чай и сердится, что я не ем его печенья, и спрашивает, не скучно ли мне. И так всё просто и ровно. И каждый из нас – чувствую это и удивляюсь, что есть и такие немцы! – боится говорить о том, что может обидеть, сделать больно. А там, в Бессарабии и в Восточной Галиции, обливают лавиной металла немцы русских и русские бегут навстречу смерти и несут с собой тоже смерть...

Немецкий унтер-офицер улыбается смешно голосистому звону цитры. Немочка хихикает и строит глазки, стараясь угодить всем нам троим.

– Хотите ещё чашечку? – обворожительно спрашивает бош.

Да будет всё проклято!

Две тысячи лет назад нашёл свои прекрасные формы на земле великий демократический идеал равенства и братства. Цель земного существования всего человечества была указана. Оставалось только её достичь. Оставалось только воплотить на земле идею, за которую было пролито так много крови, — идею любви. . .

И через две тысячи лет человечество запятнало свою совесть несмываемым позором страшной, невиданной войны. Человечество, которое больше девятнадцати столетий считало себя носителем религии непротivления, обреталось в лоне церкви братства, церкви всепрощения!

Одно из многих евангельских изречений, исказивших весь глубочайший смысл гениально простого учения о любви, омрачивших всю абсолютную красоту христианства, гласит премудро:

“Кесареви — кесарю, богами — Богу” . . .

В сотнях тысяч храмов, воздвигнутых во всех частях света, протестантские, католические, англиканские и православные служители церкви ежечасно воздавали богами Богу. И все эти наместники Христа ежечасно благословляли войска и ежедневно освящали закладки муниципальных заводов, окропляли святою водою 42-х сантиметровые пушки и бронированные корабли. . .

Словно какой-то исполин-циник воссел на земной престол и нагло хохочет в страдальческий, искажённый от боли лик человечества. Подлым, жирным смехом:

— Ты думаешь, что ты достигнешь намеченной цели непротivлением? Кесареви — кесарю? Так благословляй же одной рукою то, над чем другая поднимется у тебя с проклятием! Проповедуй с амвонов и папертей любовь и братство и строй, строй ружья, пулемёты, пушки, митральезы! Строй! После обедни, где ты сказал проповедь на великую тему “не убий”, спеши, спеши скорей в казармы, чтобы воздеть руки над головами, обречёнными на убой. Спеши, спеши! Ведь тебе нужно поспеть воздать кесареви — кесарю, не только богами — Богу! Спеши! . .

Подлый смех раскатисто и страшно носится над вселенной. Исполин-циник издевается над человечеством.

Безумие! Человечество запуталось, смешалось, пришло в тупик. Где же выход, где путь к прекрасной цели, поставленной две тысячи лет тому назад? Где? И неужели мир, в котором поют дивные песнопения столетие за столетием, никогда не воцарится на земле? Неужели никогда не победит любовь?

О, да! Она победит! Но там, где говорят о победе, необходима борьба. Только в борьбе побеждают.

И “горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры!” Служить можно только или кесарю, или Богу. . . тот путь, по которому шло до сих пор человечество, приравливая и приспособливая христианство для сокрытия преступлений и вопиющей неправды, этот путь пройден. Этот путь был усеян шипами, на которых висят клочья человеческого мяса. Этот путь устлан острыми камнями, залитыми потом и кровью. Этот путь привёл человечество на Голгофу.

Но за Голгофой следует Воскресение!

I

Трагедии, подобные той, которая совершается сейчас в Версале, где англо-франко-американцы заключают, если так можно выразиться, мир с побеждённой Германией, не видал свет, на протяжении всей истории. Простое физическое завоевание народа и обращение его в рабство — мера гораздо более “гуманная”, чтобы употребить любимое выражение союзников. В самом деле, почему они называют версальские переговоры “мирными”? Неужели только из простой деликатности? Но разве можно назвать деликатным грабителя, который в то время, как он душит в тёмной улице свою жертву, галантно спрашивает: “Простите, вам воротничок не жмет?” Впрочем, союзники отлично знают, что с тех пор, как они начали блокировать германское побережье, немцы могут надевать воротнички через голову, и если сейчас и раздаются вопли со всех концов Германии, то это объясняется не малым номером воротничка, а мёртвой хваткой английского бульдога.

Мирные условия, поставленные союзниками немцам, представляют собою истерическое бесстыдство обезумевших от упоения победой шовинистов.

Никто, никогда в Германии, даже самые непримиримые враги союзников, не допускали и мысли о возможности, в случае поражения, предъявления подобных требований. Эти требования всем слишком хорошо известны из газет, чтобы распространяться о них здесь. Эти требования невыполнимы...

И нам хотелось бы попытаться представить себе, какие последствия могут разыграться на почве версальских безобразий. Для этой цели необходимо бросить взгляд назад и посмотреть, какой путь прошла Германия и другие народы, участвовавшие в войне.

От прошлого к настоящему; через настоящее к неизбежному будущему...

В 1871 году в Версале — на родине напудренных париков, придворных этикетов и неотразимого величия французского победителя — немецкий сапог наступил на горло Франции. Железный канцлер, кумир немецких фабрикантов и мещан, Отто Бисмарк одним росчерком пера уничтожил окончательно последнее обаяние напудренных париков, подписав мир, по которому Франция должна отдать Эльзас и Лотарингию и заплатить пять миллиардов франков.

Вскоре после этого в Германии почти не стало ни одного города, где бы не высился бронзовый памятник Бисмарку с мечом или саблей в руках. Это оружие можно было бы заменить акушерскими щипцами, потому что если Бисмарк был крёстным отцом объединенного германского капитализма, то он безусловно способствовал рождению милитаризма во Франции, Германии и других странах. Того милитаризма, который сделал мировую войну такой безжалостной и страшной.

Одновременно с версальским миром родилась во Франции идея реванша. Во всей Европе началась бешеная стройка всех видов судов, оружия, крепостей и пр. Франция лила пушки, чтобы отомстить Германии. Германия — чтобы не дать отомстить себе, Англия — чтобы не отстать от соседей и не потерять своего морского могущества, Россия — чтобы не оказаться слабее каждого из европейских государств и, главным образом, Германской империи. С каждым годом народы затрачивали больше и больше сил, чтобы вести огромные тяготы вооружённого мира. С каждым годом правительства расходовали больше и больше средств, чтобы доказать своим народам всю неизбежность вооружения и неизбежность войны. Война была действительно неизбежна, логически неизбежна, потому что всё благополучие старого мира строилось на фортах и держалось штыками.

Но человек создан верящим в добро. И ни одно правительство, зная природу человеческого духа, никогда не решилось бы сказать, что оно вооружается с целью захвата чужих земель, чужих капиталов и с намерением поработить чужие народы. Если бы это случилось, то такое правительство осталось бы без всякой опоры, за ним оказалась бы не дисциплинированная армия, а кучка грабителей и преступников. Поэтому все правительства империалистических государств непрерывно доказывали, что это *не они* хотят грабить, а на них нападают, их насилуют, их вынуждают защищаться. И в июле 1914 года трагикомедия достигла своего апогея. Сцепились в смертном бое люди, желавшие задушить друг друга и клявшиеся, божившиеся и уверявшие, что они ни в чём не повинны, что они добрые, хорошие, святые и борются за счастье, свободу и справедливость. Англичане доказывали, что в войне виноваты немцы, немцы, наоборот, винули англичан...

Исполин-циник, восседавший на троне, сложенном из человеческих костей, демонически хохотал... А люди, жалкие, обманутые, с верой, что они защищают правое дело, шли на великие страдания, умирали, убивали, несли на своих хитроумных пушках ненависть и злобу...

Война раскрыла глаза слепцам. Они увидели, что их обманывали. Что кровь лилась не во имя достижения демократических идеалов, а во имя карманных интересов, во имя насилия и обмана...

Для тех, кто ещё сомневается в наступившем переломе и поэтому не верит в осуществление всемирного поворота именно в тот период истории, в котором живём мы, для тех, кто не верит в близость момента, начиная с которого история человечества покатится по рельсам мира, а не по рельсам войны, по которым она бежала до 1914 года, для тех особенно поучительно должно быть пережитое за последнее пятилетие Германией.

В этой стране выразилось наиболее характерно и выпукло то течение, под знаком которого европейские народы жили и развивались последние годы: милитаризм.

Вслед за Версальским миром Германия пережила небывалый хозяйственный расцвет. Этому, несомненно, способствовали и вновь приобретённые области, и полученные с Франции миллиарды, и проведённый Бисмарком союз дотле разрозненных и незначительных немецких государств. За сорок три года мирного строительства Германия путём умелой капиталистической политики успела доказать на практике всем своим верноподданным, что удачно проведённая победоносная война — очень хороший “гешефт”. Армия капиталистов, многочисленная армия купцов и ещё более многочисленная армия странствующих приказчиков-комиссионеров бросились на мирное завоевание иностранных рынков. По мере того как росло материальное благоденствие, руководители народов, опираясь на очевидное, бросающееся в глаза довольство, наступившее после победы над французами, стали постепенно приучать массы к мысли, что достатком, сытостью и развитием хозяйственной жизни страны они обязаны исключительно политике своего правительства, сумевшего и сумеющего победить в случае, если — избави Бог! — наступит новая война. Школа была превращена в военную лабораторию, где изготовлялись массами “истинные патриоты своей страны”. Школьная политика предусматривала все возможности, чтобы доставить государству человека, у которого на каждый вопрос был бы готов ответ, угодный политике общегосударственной. Из школы привыкший к дисциплине и мышлению чужими мыслями человек попадал в обработку прессы, певшей умильные хоралы правительственной мудрости.

Целое поколение было выращено в таких условиях. Колоссальная организация, продуманная до последнего винтика, не позволяла подданному германского кайзера оторваться от уготованных ему шаблонов мысли и духа. И он шёл за школой, церковью, судом, прессой, полицией, кружками, обществами, партиями, как слепец идёт за поводырем, шёл под звуки гимна, начинавшегося и кончавшегося словами “Германия превыше всего на свете”!

Ты счастлив, говорила германская политика своему подданному, но твоё счастье принесли штыки; если ты хочешь обеспечить его, ты должен держать в руках своих оружие. Потому что — смотри! — кругом враги, у которых глаза грят при виде твоего достатка, и стоит только тебе задремать от сытости, как тебя ограбят. Ты добр, ты не хочешь никому зла, тебе ничего не нужно. Но ведь ты — единственный в своём роде, тогда как все твои соседи злы и преступны. Конечно, война — это ужас, но ты не должен забывать закона железной необходимости!

В конце концов, из германца был сделан тип sentimentalного варвара, который всегда готов был прослезиться при мысли о том, что “он добр и справедлив”, и впасть в дикую ярость при мысли о “неблагодарных преступных иностранцах”, вынуждающих его “защищаться”! Государство принуждено, в силу закона жизни и природы человека, воспитывать и беречь в своих гражданах начало добра. Иначе невозможно никакое общество. Но государство прошлого, заставляя своих сынов быть “добрыми и покорными” внутри своей страны, воспитывало в них убеждение, что вследствие того, что другие народы хуже и преступнее его, он должен быть нещадным за пределами своего государства. В этом направлении успела, как мы уже сказали, больше всех Германия.

И когда неизбежное случилось, и люди, как безумцы, начали истреблять друг друга, германское правительство могло только потерять руки от удовольствия: воспитание не прошло даром!..

II

Нет надобности описывать то, что происходило в Германии до революции и, особенно, в начале войны. К услугам историка на книжных полках покоятся миллионы книг, отразивших в себе ту или иную черту Германии-победительницы. Интересно проследить те этапы, которые прошла страна от победного ненавистничества 1914 года до борьбы с большевизмом 1919-го.

Именно на Германии — стране, где меньше всего думали о перевороте, — легче всего убедиться, что переворот всемирный неизбежен, как неизбежен восход солнца ранним утром.

Как один, бросилась вся Германия памятным летом на своих врагов. Государственный механизм, строившийся в течение 43 лет, был приведён в движение одним поворотом рукоятки на улице Фридриха в Берлине. Люди рванулись с пеною у рта защищать своё отечество от окруживших их “заговорщиков”. Не было человека, который усумнился бы в разумности начавшейся вакханалии. И если бы такой человек нашёлся и поднял свой голос, то дыханием обезумевших масс испепелило бы смельчака мгновенно.

Война для Германии была победным шествием. Льеж, Брюссель, Антверпен, Седан, Лилль, Мобеж, целый пояс французских крепостей, целые провинции, целые страны очутились в руках немцев в течение двух-трех недель. Вот-вот должен был пасть Париж, за ним Петроград, за ним Лондон, потом — мир. Прочный, выгодный мир! Немцы упивались. Это было что-то необъятное, стихийное, страшное. Это был сплошной праздник, каких никогда не бывало в мирное время. Германия захлёбывалась победами, предвкушая ещё более упоительное удовольствие, готовясь к заключению торжественного мира и всенародному признанию её величия.

Но этого не случилось. Другой народ, в котором горело ещё больше ненависти, чем в германце желания наступить сапогом на весь земной шар, другой народ нечеловеческим усилием приостановил бешеный бег германского колеса. Французы дали битву на Марне, и Париж остался за ними. Эта битва только приостановила колесо. В обратную сторону оно было повернуто значительно позже...

Началась окопная война. Успех оставался почти всё время на стороне Германии. Но война показала свою настоящую сущность, свой отвратительный, ужасный лик. Становилось всё труднее и труднее жить. Недоставало продуктов, не хватало материалов, останавливалась промышленность, увеличивались расходы, умирали люди, возвращались с полей брани калеки, и всё реже и реже приходили вести о победах. Былая уверенность в том, что мир будет продиктован победённым противникам, казалась уже мечтой. Но ещё горела вера в то, что мир вознаградит за все страдания и, главное, покроет убытки.

С какою постепенностью и насколько незаметно для широких масс просачивалась в общественную жизнь утомлённость и тоска по миру! Как трудно было признаться в том, что хочется мира, что силы тают, что руки опускаются! Но жизнь диктовала, жизнь повелевала, и через три года от немца, с пеною у рта оравшего, что “через неделю мы покажем, что значит нападать на мирную страну”, не осталось ничего. Его подбодряли победы, действительные и бумажные, порой просыпалась надежда на победу окончательную, но сейчас же и угасала, как одинокая искорка, попавшая на камень. Жить становилось в тяготу.

Старожилы, помнившие ещё австро-прусскую войну 1866 года, жившие на тех местах, где она разыгрывалась, — Восточная Саксония, Северная Богемия, Верхняя Силезия — перенесшие все её тяготы, в раздумье заявляли, что такой нужды, какую приходилось испытывать уже на третий год мировой войны, они не знали, даже сидючи под пулями. Бывали войны, тянувшиеся дольше, поднимавшие также всю Европу на ноги, но ни одна война не истощала народы до такой степени, как великая всемирная война 1914 года. Через три года люди были настолько захвачены войной, что мир казался несбыточной, невозможной мечтой. Мира не стало... В одной небольшой социал-демократической газете появлялось стихотворение, в котором бабушка рассказывала внучке сказку, начиная своё повествование словами: “На свете был однажды мир”*. ... Да, мир стал сказкой, небылицей, о которых старухи рассказывали детям, выросшим “на пайке”, под треск барабанов и раскаты выстрелов... Голодным, хилым, не одетым детям.

У немцев, рвавшихся в драку, как звери, у немцев, метавших пламенные речи о “наказании” всех наций, появилась тоска по миру.

И вот в это время с востока впервые раздалось слово, которому уже не суждено сойти с человеческих уст и которое будет благословляться будущими поколениями:

— В России — Революция!

* Буквально — “в стране”: Es war einmal im Lande Frieden.

Всё встрепенулось, всё ожило в Германии, когда по свету прокатилось тысячеголосое эхо: Революция... Ближе к миру – почувствовали массы. И даже в прессе, не успевшей сразу сориентироваться на неясную политику правительства, словно против воли, проскользнуло это чувство – ближе к миру. И в мире, которого ждали от революции, уже не чудился мир, вдохновлявший Германию в медовые месяцы войны, а намечался сам собою какой-то особенный, новый, действительно достойный названия мира. Однако влияние правительственной политики на народ в то время хотя и ослабло, но не исчезло бесследно. Посредством мобилизации всех сил, находившихся в его распоряжении и к его услугам, правительство сумело ещё натравить широкие круги на вступившую в войну Америку. Но это был шаг отчаяния, шаг безвыходности, шаг последний. К этому времени не только радикальная партия независимых, но и армия большинства социал-демократов и даже умеренные буржуазные партии встали в оппозицию к зарвавшемуся правительству. Известный журналист, редактор ежемесячника “Будущее” Максимилиан Гарден* в статье, посвящённой вступлению Америки в войну, пророчески писал, что германские лейтенанты и юнкера напрасно громяют саблями и стараются доказать, что война с Америкой не внесет никаких изменений в создавшуюся ситуацию. Наоборот, в Америке суждено сыграть решающую роль в мировой войне и, в частности, в подписании мирного договора, и простая арифметика подсказывает, что, чем больше голосов за мирным столом окажется у союзников, тем труднее будет вести с ними переговоры. В этой же статье Гарден ясно высказывал свой взгляд на мир вообще и говорил, в связи с русскими событиями, что заря мира загорается на Востоке.

Мысль о мире, как грибок, попавший в благоприятную среду, стала неудержно распространяться... Но самое решающее значение в психологическом переломе германских масс имело значительно позднее заявление русских большевиков в Бресте, когда была объявлена демобилизация всех русских сил и в то же время к стопам германских генералов и экспертов был положен почтительный отказ подписать насильнический мир. С точки зрения политической, этот шаг был мудрейшим агитационным средством!

– Да, мы не хотим войны, – заявила русская революция, – и это – не лицемерие, не ханжество, не обман; и чтобы доказать это на деле и всенародно, мы разоружаемся. Но чтобы показать всему миру, что мы имеем дело с насильниками, а вовсе не с людьми, которые защищаются и ведут “навязанную” им войну, мы не подписываем с вами договора...

Сами того не сознавая, немцы, не согласившись на неподписание мира и поведя наступление на сложившую оружие России, сагитировали за революцию внутри своей страны гораздо больше, нежели русские. Уверить, что тобою руководят соображения гуманности, что ты защищаешься, и в то же время открыто идти грабить – не значит ли это заставить задуматься самого глупого и усумниться самого легковверного? Брест анатомировал перед глазами германских масс душу господствовавших классов, оказавшуюся алчной и падкой до наживы, будь эта нажива и простым, неприкрытым грабежом. Германский народ был уже измучен, истощён ко времени заключения договора в Бресте. И после него он окончательно изверился в своих правителях. Революция пришла и в Германию. Страна решилась отказаться от безумия “войны до победного конца” и заключить мир, продиктованный разумом. Но этому не суждено было стать.

IV

Тем, кто бряцал саблями и красовался эполетами перед расчётливым американским профессором, не пришлось сидеть с ним за одним столом. Во главе с великолепною и смешною фигурою Нерона 20 века – кайзера Германии и короля Пруссии – все громовержцы немецкого милитаризма разбежались давным-давно по заграницам и провинциям. А те, кто надеялся на “единственно справедливого” человека, ставшего во главе союзников, жестоко разочаровались в своих наивных мечтаниях. Бостонский профессор

* “Zukunft”, Monatliche Zeitschrift, Herausgegeben von Maximilian Harden.

и вашингтонский президент Вудро Вильсон вдруг улыбнулся своею коммерческою улыбочкой и неожиданно обнаружил ряд крепких, здоровых и крупных зубов. Четырнадцать пунктов его мирных условий, на которые немцы с некоторой поспешностью, понятной, впрочем, в их положении, были вынуждены согласиться, претерпели моментальную метаморфозу.

— Совершенно верно, — сказал американский профессор, — четырнадцать пунктов... Но они, видите ли, не про вас писаны...

Версальские переговоры — это какое-то утончённое издевательство победителя над побеждённым. В том самом Версале, где поставленная на колени Франция подписала насильственный акт, теперь бывший насильник бьёт челом новым господам положения, унижается, молит о пощаде, просит живота.

Но не было ещё на свете раба, который, стоя на коленях перед своим господином, вымолил бы себе право свободно дышать. И германские либералы не вымолят этого права у своих новых помещиков; Германия стала крепостной, стала обречённой... Версаль — второй “мир”, заключаемый старыми государствами. Истощённая Германия не может удовлетвориться подобным миром. Она требует другого мира, мира демократического, мира равенства, свободы, братства. Когда же наступит он, когда вздохнут с облегчением измученные люди? И наступит ли он?

То, что пережито за эти годы Германией, пережито и другими странами Европы. Народы истощены. Смерть, голод и болезнь пронесли по всему Старому Свету. Всюду нищета, всюду безработица и страшная, нечеловеческая усталость. Тоска по миру, гарантирующему свободное, здоровое развитие, в одинаковой степени сильна у всех народов. Все жаждут мира, как влаги пустыня. И ни один народ не удовольствуется мирным договором, вторгающим его снова в кабалу “вооружённого мира”, когда призрак войны неотвязно стоит перед глазами каждого и над головами детей, не знающих радости, висят дамочным мечом казарма, пушка и окоп.

Страны-победительницы напрасно думают, что они сумеют “возместить” убытки. Разве можно вернуть матерям, жёнам и детям миллионы сгнивших в неведомых ямах-могилах сыновей, мужей и отцов? Разве можно вернуть миллионам калек оставленные на чужбине руки, глаза, потерянное здоровье? Разве можно возместить подрастающее поколение новыми силами, миллионы пленных — новыми радостями, миллионы сумасшедших — новым рассудком? Разве, наконец, можно восстановить распылённые в воздух богатства? Нет, правительства стран-победительниц стоят перед той же безысходностью, что была причиной гибели правительств стран побеждённых. Война 1870—1871 годов продолжалась несколько месяцев вместе с переговорами, и Германия, получив с французов груды золота, могла тогда замазать свои царапинки и самодовольно упрочиться, как внутри, так и вовне. Но настоящая война нанесла не царапинки, а вскрыла вены, и кровь хлещет из нас, как из рукава. Никакое золото, особенно такое дешёвое, как теперь, не в силах остановить этого кровавого потока, и ни один праздник, устроенный в Лондоне и Париже по случаю победы над немцами-варварами, не удешевит цен на хлеб и не заткнёт рта ни одному голодному ребёнку!

Чтобы преодолеть великую разруху, чтобы успеть перетянуть вскрытые вены, пока народы не истекли кровью, чтобы залезать бесчисленные раны, нужно всему свету, — не только одной Европе! — дружно взяться за единое дело восстановления и созидания. Нужно уничтожить границы, разорвать все договоры, тарифные и пошлинные, морские и сухопутные, и написать новый, из четырёх слов:

— Земля образует единую Республику...

Пока же существуют Версали и Бресты, люди будут умирать в тоске по миру. Будут умирать одинаково и победители, и побеждённые, будут мучиться, голодать и нищенствовать.

Неумолимой неизбежностью стоит этот выход перед всеми народами. И путь, ведущий к этому выходу, одинаков для всех наций: путь свержения классов, мечтающих о возмещении, реванше и силе оружия, путь принудительных мер по отношению к людям, намеревающимся поладить с прошлым, прийти с ним к соглашению, путь диктатуры масс, восставших во имя царства мира.

Но будем смотреть в глаза истине. Мы переживаем самый тяжёлый момент человеческой истории. Нам, наверное, не суждено увидеть воспрянувшее от великих недугов человечество. Нам трудно, необычайно трудно жить с сознанием, что путь осуществления демократических идеалов свободы, равенства и братства идёт через диктатуру. Но нам очевидно, что этим идеалам противостоит объединённая сила, которую нельзя убедить и нельзя разжалобить. Силу должна победить сила. И если мы хотим, чтобы наши дети, внуки и правнуки не корчились в предсмертных судорогах, отравленные ядовитыми газами в окопах, если мы хотим, чтобы они не хирели в сырых подвалах фабричных посёлков, если мы хотим, чтобы они не умирали на третий день после рождения, не находя молока в груди измождённой матери, — тогда мы *обязаны* терпеливо перенести все страдания, уготованные нам нашими предками. Несомненно, для самих масс, осуществляющих сейчас диктатуру, эта диктатура более тягостна, чем для классов, против которых она направлена. Потому что именно массы знают и чувствуют глубже идеалы, за которые они борются. Старая революционерка Клара Цеткин говорит в своей статье “Через диктатуру к демократии”*: “Диктатура пролетариата имеет своё историческое оправдание в том, что она проводится в интересах огромного большинства народа и представляет собою *исключительно переходную меру*, с целью встать на ноги и сделать возможным осуществление идеала демократии: свободный народ на свободной земле, за свободным трудом”. И в той же статье, говоря о Советской Республике, К. Цеткин заканчивает: “... в то время, как путь правительства двух революционных периодов шёл от прекрасных идеалов демократии к грубой и жестокой действительности диктатуры, *путь господства Советов поведёт от грубой и жестокой действительности диктатуры к прекрасному и осуществлённому идеалу демократии*”.

Непротivление привело нас на Голгофу. Сейчас мир переживает ещё крестные страдания. Но если мы хотим избавить от вечного распятия наши поколения, мы должны отказаться от тактики непротivления и не воздавать более кесареви кесарю. И тогда новая религия, религия осуществлённого братства, словами старой, умершей и чуждой, скажет, наконец, облегчённо на древнем языке: “И на земле мир, в человецех благоволение”...

(Журн. “Отклики” (Сызрань). 1919. № 6. С. 6–13)

«ИЗ ЗАПИСЕЙ К РОМАНУ “ГОРОДА И ГОДЫ”, 1922 г.»

Петербург 1919 — ночь — ноябрь.

Человек несёт за плечами котомку с мороженой картошкой. Человек останавливается у недостроенного. Со страшными усилиями отрывает доску от гнилого строения, тащит её на плече, озираясь: видел милиционер?

Человек тащит котомку и доску. Думает о Петрарке, Возрождении, о буржуйке и картофельных лепёшках, о Микеланджело.

Человек—писатель.

Дома, на столе, в хранимом хламе бумаг, такая:

Уведомление отдела изящных искусств Парижской академии об отзыве о его — человека, писателя — книгах, данном на заседании... etc<ete>r<a>.

Человек, писатель жарит лепёшки на железной печке, думает о Петрарке. Легко...

Книга о войне, любви и революции [и бандитах.]

У писателя лоб изрезан морщинками. По морщинкам видно, как бежит, извивается его мысль, когда он говорит.

Весь писатель — в кулачок.

Сухой, выжатый, точно его подержали под прессом. Как копировальную бумагу.

О сожительстве бандитов-анархистов с милицией и Ч.К. в одной деревне — в 20 в. от ж.д. — “зоны влияния”, условия “невыдачи”, очко, рамс, учитель, топограф.

* Klara Zetkin. Durch Diktatur zur Demokratie. Welt-Revolution. № 51. 1918. Перевод и курсив автора.

Семь лет в одном: кровь, страдание и вера в воскресенье, в чудо, в мир, в покой.

Моим друзьям,

Спутникам тяжких и прекрасных дней петербургских –

Серапионовым Братьям –

Отдаю эту книгу.

О зачатии новой Руси. Значит – о смерти старой.

Старый мир кончился после выстрела в Сараеве (дать Nurnberg). Кончилась с ним и Россия. Последующие семь лет – война, в России – революция – предсмертная агония, которой суждено продлиться ещё годы. Пусть. В 21-м году зачалась новая Русь. Старая догнивает. В спёртой вони разложения растут зародыш. Плодом он станет ещё не скоро. Пусть.

В чём он? В чём зачатие? И что зачато в смерти?

Человек, который научился прощать.

Научился на своей страшной ошибке: думал ускорить приход воскресенья мечом (цель оправдывает средства – моя статья “И на земле мир” – идеология этого разбора), но разбился, упал и понял, что ошибся жестоко и что враги его так же жестоко ошибались, что правд много, а истина – в дружбе, в прощении и мире, а не во вражде – (это интернационально).

Такой человек зачат в России в 1921 году.

Человек научился прощать, поняв, что прощение необходимо. Это вывод из его страданий. Внешне человек пришёл к этому выводу так:

1) Несправедливость стала очевидной каждому, кто не утратил чувства совести и способности видеть. В войну несправедливость предстала оголённой: социальное неравенство, рабство, диктатура класса.

2) Надо было восстать против несправедливости. Революция. Надо было сделать попытку осуществить новый справедливый уклад жизни. Социальный переворот. Надо было сломить упорство врага. Диктатура класса-победителя, террор.

3) И вот – навстречу друг другу: победа за победой и поражение за поражением. Революционная схема социальной справедливости оказалась верной и побеждала вопреки всему. Объективные условия, в которых росла революция, оказались непригодными для какого-то бы то ни было социального уклада (крах у белых и у красных!): в нужде, нищете, болезнях скорее мыслима деспотия, чем коммунизм.

4) И вот: все силы на преодоление нужды; все силы на создание ценностей. И путь – техника, наука, новый проволочный человек, – и это он, человек, который умеет прощать, потому что проволочному человеку нужна ассоциация, содружество, сотрудничество.

5) И вот: проволочный человек с мировоззрением Тимирязева – научным мировоззрением – сухой, металлический, быстрый, заводной человек, немного безумный, как и все пионеры, отводит клинок социальной борьбы в сторону борьбы с природой (одна батарейка Лакланше* для меня дороже утопии Мора).

Ибо доколе у нас не будет в излишке средств борьбы с природой, орудий борьбы, до тех пор всякая наша попытка устроить мир и водворить в мире мир разобьётся на нашей нищете, а нищета – предпосылка всякой деспотии – как великая Р. С. Ф. С. Р. разбилась

(зацвела кабаками!)

на голоде, вшах и бездорожье.

(Троцкий сказал: Первейшая задача социалистического строительства – борьба со вшами! **).

* Лекланше элемент – первичный источник электрического тока, назван по имени его изобретателя Ж. Лекланше. Французский инженер и изобретатель Жорж Лекланше (1839–1882) создал в 1865 году угольно-цинковую электрическую батарею, используемую в радиоаппаратуре, телефонных аппаратах, электронных часах и т. п.

** Имеется в виду программа борьбы за “новый быт”, выдвинутая Л. Троцким в статьях 1923 года, опубликованных в газете “Правда” и составивших его знаменитую книгу “Вопросы быта. Эпоха культурничества и её задачи” (1923); см., например, “Борьба с “выражениями” является такой же предпосылкой духовной культуры, как борьба с грязью и вшью – предпосылкой культуры материальной” (Троцкий Л. Борьба за культурность речи // Правда. 1923. 16 мая).

6) У нищих и людоедов не может быть социальной справедливости; они (нищие) даются только управлению деспотов. А если и возможно в 1921 году равенство на Волге*, то только равенство шегулёвское <sic>, социализм Шегулёва <sic>.

И Маркс учил (может быть, потому же?), что социализм приходит, а не вводится, и что предпосылка его – необычайное наличие средств и орудий производства, то есть расцвет техники, которая ни шагу без науки, то есть расцвет науки.

Приход человека, отстранившего проблему социальную до разрешения проблемы научной, приход человека проволочного есть Возрождение, Ренессанс и... победа Революции: ценою своей смерти Революция одарила мир проволочным человеком (для которого Лакланше дороже Т. Мора), чтобы воскреснуть и победить, когда этот человек сделает своё дело

(построит свой элемент Лакланше).

Вот что случилось в России –

(Россия станет новой Америкой – электрификация вовсе не Томас Мор, который – социальное равенство и братство. Справедливость – после электрификации)

пришли проволочные люди, оценившие горечью борьбы, поражений и бесплодных побед (ведь победа революции оплачена параличом всего мира так же, как победа военная на полях Франции) весь пустозвон громких и пышных слов об индивидуальной (буржуазной) и коллективной (пролетарской) свободах и справедливости в условиях быта Европы и особенно России.

Путь проволочного человека:

1) Гнилой окоп, вшивый концентрационный лагерь, мурманские болота, где дошли пленные немцы, мазурские, где тонули русские.

2) Восстания в России и Германии, победа их, завоевания, провал.

3) Победа над Колчаками вопреки восстаниям, вопреки голоду, вопреки отсутствию дорог.

4) После каждой победы – поражение в социальном быту. Усиление болезней, падение материальной культуры города, смерть города (мёртвый Петербург!). Замыкание круга первобытности деревни.

5) Плуг, лампочка в деревне. Etr. Осознание главного: силы вещи над человеком!

<По левому полю резюме 5-ти пунктов:> Как это не смешно, как это не подозрительно в агитационном смысле! (Это для эстетов и формальников).

Этот путь – кровавый, крестный, жертвенный, верный, однако. На нём препона. Она вот в чём:

Люди, которые не могли стать проволочными, которые сильны по-своему, то есть располагали всей культурой и верили в силу человека над вещью, пережили страшное. Культура материально ушла от них (была вырвана из их рук), вещь стала управлять ими.

(буржуйка, полено дров, пшёнка и академии, университеты, которые отняли у непроволочного человека вместе с каминами, поваром и паровым отоплением)

Очевидно, культура разбита, если...

(здесь всё, что так мучило русского горожанина и гражданина, от гнилой картошки, от пшёнки до Ч.К. и большевистской газеты).

Очевидно, всё сгибло, если победила Революция, победила деспотически (как только могла! Ведь Керенский не победил же!), жестоко и не уступает, не уходит, правит, как деспот.

Отсюда – упадок. Отсюда – вера в чудо. Отсюда – сектанство, лампадка, икона, кликушество.

(Кликуши – писатели, врачи, адвокаты, кликуши – торговцы и спекулянты.)

Это – каркас – путь проволочного человека,

понявшего новое и сумевшего внутренне простить, и путь бесхребетного человека, не понявшего нового, возненавидевшего его и кликушествующего в вере в чудо.

* Речь идёт о поволжском голоде 1921 года.

Человек ушёл с головой в книги – антирелигиозные, советские, партийные, подпольные; газеты, сводки, отчёты, журналы и вдруг –
вдруг –

Этот человек видит, что все эти книги, листы, плакаты – сеют зло.
Каждое слово – зло.
Каждый звук – разжиганье страсти.

Страшно, ужасно человеку от того, что нет доброго слова и он – партийный, старый – вдруг ищет в памяти: есть ли книга, где говорится о любви?

И вот – с детства – Евангелие.

И в груди плакатов, в кипах книг, брошюр, в целых стенах из газет человек вдруг затих, читая Евангелие.

Все это – может быть – через три года непрерывной, безумной работы...

Человечество прилагало так бесконечно много усилий к тому, чтобы развить в себе чувства, которые отличают его от зверя. Почти ничего не достигнуто в этом направлении. Чаще человечество хуже зверя; редко, почти никогда, лучше него. Что же будет, если из поколения в поколение мы будем вытравливать в себе возвышающее нашу душу чувство любви?

Он писал сам книги, писал о книгах, всю жизнь – в книгах

Не странно ли – нигде нет такого простого слова – любовь...

И даже такие слова, как братство, свобода, в книгах дышат злобой.